

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

И. Ю. Козлихин

ЛЕВ ТОЛСТОЙ КАК ЗЕРКАЛО РУССКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

В статье анализируются взгляды Л. Н. Толстого на государство и право как проявление анархизма и правового нигилизма, явлений, свойственных российскому сознанию, но доведенных до предельных значений.

Ключевые слова: государство, право, суд, свобода, равенство, братство, любовь.

I. Yu. Kozlikhin

LEO TOLSTOY AS A MIRROR OF THE RUSSIAN LEGAL CONSCIENCE

The article discusses the views of L. N. Tolstoy towards state and law as the phenomena of anarchism and legal nihilism which are generally peculiar to the Russian conscience, but enhanced to the ultimate level.

Keywords: state, law, court, freedom, equality, brotherhood, love.

Уже в конце жизни, в 1909 г., в «Письме студенту о праве» Л. Н. Толстой подвел итог своим многолетним размышлениям по этому поводу. Некий студент прислал великому русскому писателю письмо с выдержками из теории права Л. И. Петражицкого, в которых кроме всего прочего было упомянуто учение Толстого как пример анархизма. Но совсем не это вызвало бурную реакцию писателя. К праву он действительно относился резко отрицательно. По сути письмо студента оказалось лишь поводом для концентрированного изложения собственных взглядов.

С одной стороны, рассуждения Петражицкого об императивно-атрибутивных переживаниях показали Толстому забавными и комичными, но с другой — серьезными и даже опасными. Причем сказанное касается не только психологической теории Петражицкого, а права и правовой науки вообще. «Серьезная сторона эта в том, — пишет Толстой, — что вся эта удивительная, так называемая наука о праве, в сущности величайшая чепуха, придуманная и распространяемая не с легким сердцем, как говорят французы, а с очень определенной и очень нехорошей целью: оправдать дурные поступки, постоянно совершаемые людьми нерабочих сословий. Серьезная сторона этого дела еще и в том, что ни на чем нельзя с большей очевидностью увидеть ту низкую степень истинного просвещения людей нашего времени,

Козлихин Игорь Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; igkoz52@mail.ru

Kozlikhin Igor Yuryevich — doctor of legal sciences, professor, honored worker of science of the Russian Federation, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; igkoz52@mail.ru

как на том удивительном явлении, что собрание таких самых запутанных, неясных рассуждений, выражаемых выдуманскими, ничего не значащими, смешными словами, признается в нашем мире “наукой” и серьезно преподается в университетах и академиях».¹ К этим мыслям Толстой пришел давным-давно, и, будучи человеком последовательным, он считал для себя невозможным продолжать прежнюю дружбу со знаменитым философом права Б. Н. Чичериным, с которым с молодых лет был на «ты». В апреле 1871 г. он писал старому другу: «Мы играли в дружбу. Ее не может быть между двумя людьми, столь различными, как мы. Ты, может быть, умеешь примирять презрение к убеждениям человека с привязанностью к нему; а я не могу этого делать. Мы же взаимно презираем склад ума и убеждения друг друга».²

С Чичериным Толстой обошелся еще по-божески. С героями романа «Воскресение» он не церемонился. Порядочных людей юридической специальности в романе нет. Все, кроме одного, сплошь негодяи. Честным человеком был только судебный пристав, и то пил запоем, да и попал на это место случайно. Те же, кто сознательно связал себя с юридической деятельностью, — люди безнравственные. Прокурор, выступавший обвинителем по делу Катюши Масловой, дела не читал, ибо всю ночь играл, пил, а потом с друзьями отправился в тот самый публичный дом, в котором прежде была Маслова. Но этого еще мало. Толстой дает ему совершенно уничижительную характеристику: «Товарищ прокурора был от природы очень глуп, но сверх того имел несчастье окончить курс в гимназии с золотой медалью и в университете получить награду за свое сочинение о сервитутах по римскому праву и потому был в высшей степени самоуверен, доволен собой (чему еще способствовал его успех у дам), и вследствие этого был глуп чрезвычайно».³ Что можно было ожидать от этого тупого аморального самовлюбленного существа? Тем более, что он решил добиваться обвинения по всем делам, по которым выступает. Под стать ему председательствующий в суде. Он распутник и озабочен не справедливостью решения по делу, а тем, чтобы закончить его пораньше и успеть к любовнице. Два других члена суда меньше всего думают о деле: один поругался с женой, другой страдал катаром желудка, и эти проблемы занимают их более всего. Но хуже всех, пожалуй, священник, который приводил к присяге свидетелей, хотя и знал, что присяга над Евангелием запрещена, но не тяготился этим, а, напротив, нажил много денег и гордился знакомством со знаменитым адвокатом, что говорит об окончательном нравственном падении. Ведь адвокаты крайне бессовестные существа, их цинизм не знает границ, кроме денег — никаких ценностей. Может быть, это случайное совпадение? Нет. Столичный адвокат снисходительно объясняет Нехлюдову: «В том-то и ошибка, что мы привыкли думать, что прокуратура, судейские вообще — это какие-то новые либеральные люди. Они и были когда-то такими, но теперь это совершенно иное. Это чиновники, озабоченные только двадцатым числом. Он получает жалованье, ему нужно побольше, и этим ограничиваются все его принципы. Он кого хотите будет обвинять, судить приговаривать... Я вам говорю. Я всегда говорю господам судейским, — продолжал адвокат, — что не могу без благодарности видеть их, потому что если я не тюрьме, и вы тоже, и мы все, то только благодаря их доброте. А подвести каждого из нас к лишению особенных прав и местам не столь отдаленным — самое

¹ Толстой Л. Н. Письмо студенту о праве. <http://az.lib.ru/t/tolstoj Lew>.

² Толстой Л. Н. Собр. соч. В 22 т. М., 1978–1985. Т. 17. С. 565.

³ Там же. Т. 13. С. 77.

легкое дело».⁴ (Невольно вспоминаются поговорки советского времени: «То, что вы на свободе, не ваша заслуга, а наша недоработка», «Был бы человек, а статья найдется».)

Толстой неоднократно посещал судебные заседания как с целью заступиться за, по его мнению, невинно осужденных, так и с познавательными целями (когда писал роман «Воскресение») и каждый раз выносил тяжелое впечатление от увиденного. Вот он записывает в дневнике в июле 1884 г.: «Пошел на суд. Заведение для порчи народа. И очень испорчен. Расчесывают болячки — вот суд».⁵ В 1990 г. записывает, что цель «Воскресения» — «высказать всю бессмыслицу суда». «Надо начать с заседания суда. И тут же юридическая ложь и потребность его правдивости». В том же году еще одно замечание о суде: «Жара и стыдная комедия. Но я записывал то, что нужно было для натуры».⁶ В апреле 1995 г. после посещения Московского окружного суда: «Ужасно. Не ожидал такой неимоверной глупости».⁷ И уже в конце жизни запись от 27 мая 1910 г.: «О суде. Если бы только понимали эти несчастные, глупые, грубые самодовольные злодеи, если бы они только понимали, что они делают, сидя в своих мундирах за закрытыми зеленым сукном столами и повторяя, разбирая с важностью бессмысленные слова, напечатанные в гадких, позорящих человечество книгах; если бы они только понимали, что то, что они называют законами, есть грубое издевательство над теми вечными законами, которые записаны в сердцах всех людей». Далее следует конкретный пример: «Людей, которые без всякого недоброжелательства стреляли в птиц в месте, которое называется церковью, сослали в каторгу за кощунство, а эти, совершающие не переставая, живущие кощунством над самым святым в мире: над жизнью человеческой... И это делают христиане... Ох, как нужно и хочется написать об этом».⁸ Впрочем, об этом Толстой и так много написал. (Есть ли у кого-нибудь сомнения, на чьей стороне был бы Толстой в деле «Pussy Riot» и как бы он отнесся к закону «Об оскорблении чувств верующих?»)

Как же понимает Толстой право, его суть и предназначение? «Если рассуждать не по науке, — пишет он в «Письме к студенту», — т. е. не императивно-атрибутивным переживаниям, а по общему всем людям здравому смыслу определять то, что в действительности подразумевается под словом “право”, то ответ на этот вопрос, что такое право, будет очень простой и ясный: правом в действительности называется для людей, имеющих власть, разрешение, даваемое ими самим себе, заставлять людей, над которыми они имеют власть, делать то, что им — властвующим выгодно, для подвластных же правом называется разрешение делать все то, что им не запрещено. Право государственное есть право отбирать у людей произведение их труда, послать их на убийства, называемые войнами, а для тех, у кого отбирают произведения их труда и которых посылают на войны, право пользоваться теми произведениями своего труда, которые еще не отобраны у них, и не идти на войны, пока их не посылают. Право гражданское есть право одних людей на собственность земли, на тысячи, десятки тысяч десятин и на владение орудиями труда, и право тех, у кого нет земли и нет орудий труда, продавать свои труды и свои жизни, умирая от нужды

⁴ Там же. С. 246–247.

⁵ Там же. Т. 21. С. 336.

⁶ Там же. С. 447.

⁷ Там же. Т. 22. С. 18.

⁸ Там же. С. 387.

и голода, тем, которые владеют землей и капиталами. Уголовное право есть право одних людей ссылать, заточать, вешать всех тех людей, которых они считают нужным ссылать, заточать, вешать; для людей же ссылаемых, заточаемых, вешаемых есть право не быть изгнанным, заключенным, повешенным, пока тем, кто имеет возможность это делать, не покажется нужным... то, что скрывается под словом "право", есть не что иное, как только самое грубое оправдание, тех насилий, которые совершаются одними людьми над другими». Кажется, что современные Толстому русские марксисты с радостью подписались бы под этой филиппикой, да и не только они.

Итак, Толстой, сам того не желая, совмещает идеи нескольких концепций: этилистского позитивизма, классовой теории и анархизма. Как известно, позитивисты совершенно не отрицали ценности права. И. Бентам, например, писал, что могут быть плохие законы, но никому не придет в голову отрицать необходимость права как такового. А уважаемый Толстым Ч. Диккенс⁹ тоже резко критиковал английскую правовую систему, но ему не приходило в голову отменить право вообще.¹⁰

Толстой оказался гораздо ближе к марксистской в русском ее изложении теории права. Только он иначе видел способ борьбы с ним. Классические этилисты никогда не рассматривали государство как абсолютное зло. Толстой же, как и марксисты, считал, что было время, когда государства не было, и должно наступить время, когда его не будет. Но в отличие от них он полагал, что появление государства вообще было не оправданно, случайно и связано с человеческими суевериями.

В 1910 г. Лев Толстой составил из своих собственных цитат, т. е. уже многократно высказанных мыслей, и цитат других авторов — Канта, Паскаля, Макиавелли, Монтеня и др. — книжку под названием «Суеверие государства». Напечатана она была в 1917 г.¹¹

По мнению Л. Толстого, беда человечества в том, что люди поверили в лжеучение о том, что государство необходимо, но это обман, из-за которого люди лишились свободы. По этому поводу сразу вспоминается чтимый Толстым Ж.-Ж. Руссо, придумавший навязанный богачами обманный договор об образовании государства. Но если у Руссо такой договор даже не гипотеза, а некая метафора, то Толстой серьезен. Учение о государстве есть ложь, причем ложь преднамеренная. «Можно понять, — пишет Толстой, — почему цари, министры, богачи уверяют себя и других, что людям нельзя жить без государства. Но для чего стоят за государство бедные, которым государство ничего не дает, только мучает? Только от того, что они верят в лжеучение государства.

Лжеучение государства вредно уже одним тем, что выдает ложь за истину, но больше всего вредно тем, что приучает добрых людей делать дела, противные совести и закону Бога: обирать бедных, судить, казнить, воевать и думать, что все эти дела не дурные». Что же делать? Во-первых, проклясть распространителей лжеучений. В письме к студенту он написал: «Когда какой-нибудь шах персидский, Иоанн

⁹ «Я думаю, — пишет он в одном из писем, — что Чарльз Диккенс — крупнейший писатель-романист 19 столетия и что его книги, проникнутые истинно христианским духом, принесли и будут продолжать приносить очень много добра человечеству» (Там же. Т. 20. С. 561).

¹⁰ См. об этом: *Остроух А. Н.* Политико-правовые ценности в произведениях Чарльза Диккенса // *Право как ценность: многообразие исторических форм и перспективы развития.* Сочи, 2004. С. 82–90.

¹¹ *Толстой Л. Н.* Суеверие государства. http://modernlib.ru/books/tolstoy_levnikolaevich.

Грозный, Чингисхан, Нерон режут, бьют людей тысячами, это ужасно, но все-таки не так ужасно, как то, что делают г-да Петражицкие и им подобные. Эти убивают не людей, а все то святое, что в них есть». А во-вторых, надо просто перестать верить в лжеучение государства и перестать участвовать в его деятельности. А все те, кто участвует в государственной деятельности, — люди недостойные и крайне порочные. «Стоит только вдуматься в сущность того, на что употребляет свою власть правительство, для того чтобы понять, что управляющие народами люди должны быть жестокими, безнравственными и непременно стоят ниже среднего нравственного уровня людей своего времени и общества. Не только нравственный, но и не вполне безнравственный человек не может быть на престоле или министром, или законодателем, решателем и определителем судьбы целых народов. Нравственный добродетельный государственный человек есть такое же внутреннее противоречие, как целомудренная проститутка, или воздержанный пьяница, или кроткий разбойник». В дневнике он вообще называет всех государственных деятелей сумасшедшими, ибо человек нормальный за такие дела никогда не возьмется: «Я серьезно убежден, что миром управляют: и государствами, и имениями, и домами — совсем сумасшедшие. Не сумасшедшие воздерживаются или не могут участвовать».¹²

В «Письме к студенту» Толстой использует известный прием сравнения государства с шайкой разбойников. Но если у Цицерона полис превращался в шайку разбойников, если его граждане не следуют требованиям естественного права, а у бл. Августина речь шла о языческих государствах и т. д., то до Толстого, кажется, никому не приходило в голову при сравнении шайки разбойников и государства отдавать предпочтение шайке. «Разбойники обирают преимущественно богатых, правительства же обирают преимущественно бедных, богатым же, помогающим им в их преступлениях, потворствуют. Разбойники, делая свое дело, рискуют своей жизнью, правительства почти ничем не рискуют. Разбойники никого насильно не забирают в свою шайку, — правительства набирают своих солдат большей частью насильно. Разбойники делят добычу большей частью поровну, — правительства же распределяют добычу неравномерно: чем больше кто участвует в организованном обмане, тем больше он получает вознаграждения. Разбойники не развращают умышленно людей, — правительства же для достижения своих целей развращают целые поколения детей и взрослых ложными религиозными патриотическими учениями. Главное же, ни один самый жестокий разбойник Стенька Разин, никакой Картуш не может сравниться по жестокости, безжалостности и изощренности в истязаниях не только со знаменитыми своей жестокостью злодеями-государями: Иваном Грозным, Людовиком XI, Елизаветами и т. п., но даже с теперешними конституционными и либеральными правительствами с их казнями, одиночными тюрьмами, дисциплинарными батальонами, ссылками, усмирениями бунтов, избиениями на войнах».¹³ Но самое плохое даже не это, а то, что государство уничтожает любовь среди людей, лишает их свободы.

¹² Толстой Л. Н. Собр. соч. В 22 т. Т. 22. С. 117.

¹³ Если бы эти рассуждения Толстого приводились в какой-нибудь статье в советские времена, то автор непременно бы вспомнил мнение Ленина по этому поводу и сообщил бы о том, что Толстой гениально показал сущность эксплуататорских государств, но не смог в силу своей классовой ограниченности предвидеть неизбежность появления социалистического государства.

А что касается законов, то они не улучшают, а портят людей. Они устанавливают, что он должен делать, что не должен, опутывают человека и делают его своим рабом. «И вот люди, поставленные в такое положение, не только не видят своего рабства, но гордятся им, считая себя свободными гражданами великих государств: Британии, Франции, России, гордятся этим так же, как лакеи важностью господ, которым они служат». Короче говоря, человечество уже тысячелетия живет неправильно. Как же начать правильную жизнь? Очень просто: перестать верить в лжеучение, сбросить с себя этот гипноз и не участвовать в делах государства. И, конечно, никакого насилия. Революционеры правы во всем, кроме призыва к революции. Государство и так исчезнет, если следовать советам Толстого. Что же произойдет, когда не будет государственной власти? Утописты любили описывать будущую прекрасную жизнь, Толстой же оказался в компании Маркса. Он тоже отказался описывать будущее счастливое безгосударственное общество, но выразил уверенность, что там будет не хуже, а лучше.

Толстой неоднократно разъяснял свою позицию по поводу неучастия в делах государства. Так, отвечая на письмо активистов комитетов грамотности, писал, что он ценит их деятельность на ниве народного просвещения, но считает, что такие формы, которые они избрали, успеха не принесут, что он и сам трудится на этом поприще, но иначе. Он полагает, что вместо закрытого правительством комитета грамотности нужно создавать новые комитеты, независимые от государства, а не пытаться восстановить прежний зависимый от него. А если государство «захочет преследовать эти общества грамотности, карать за них, ссылая и т. п. Если оно это будет делать, то только придаст этим особенное значение хорошим книгам и библиотекам и усилит движение к просвещению».¹⁴ Похоже, Толстой предлагает активистам комитета грамотности пожертвовать собой ради «усиления движения к просвещению». Просвещение же народа очень опасно для правительства, ибо сила его держится на невежестве народа, и поэтому правительство всегда будет бороться с просвещением народа, но вместе с тем делать вид, что заботится о нем. Нельзя давать возможность правительству распространять мрак под видом просвещения, «как это делают мнимопросветительные учреждения, контролируемые им, — школы, гимназии, университеты, академии, всякого рода комитеты и съезды, — бывает чрезвычайно вредно».¹⁵ Более того, он пишет, что ему смешно смотреть, как хорошие и умные люди пытаются «бороться с правительством на почве тех законов, которые пишет по своему произволу это самое правительство».¹⁶ Нельзя не вспомнить марксистско-ленинский тезис о том, что ни одна революция не происходит на основе старых законов. Но Толстой — принципиальный противник революций. Насилие порождает насилие, полагал он. «Новый установленный, установленный насилием порядок вещей должен был бы непрерывно быть поддерживаемым тем же насилием, то есть беззаконием, и вследствие этого неизбежно и очень скоро испортился бы так же, как и тот, который он заменил».¹⁷

А участвовать в делах государства с желанием его улучшить не только бесполезно, но даже вредно. Власть всегда будет прикрываться именами добрых и честных

¹⁴ Там же. Т. 19. С. 364.

¹⁵ Там же. С. 364–365.

¹⁶ Там же. С. 365.

¹⁷ Там же. С. 366.

людей. «Если бы все правительство состояло бы из одних только насильников, корыстолюбцев и льстецов, которые составляют его ядро, оно не могло бы держаться. Только участие в делах правительства просвещенных и честных людей дает правительству тот нравственный престиж, который оно имеет».¹⁸ Кроме того, сами эти просвещенные, честные и добрые люди, работая в правительстве и даже ставя перед собой, как они думают, благородные цели, неизбежно идут на компромиссы и, все дальше и дальше отступая «от требований своей совести, не успевают оглянуться, как уже попадают в положение полной зависимости от правительства: получают от него жалование, награды и, продолжая воображать, что они проводят либеральные идеи, становятся покорными слугами и поддерживателями того самого строя, против которого они выступили».¹⁹ Что ж, немалая доля правды в этом есть. Существует еще одна группа людей — лучших людей, которые, понимая, что ничего поделать не могут, и отчаявшись, переходят в лагерь революционеров, или стреляются, или спиваются, или удаляются в литературу, где, неизбежно подчиняясь требованиям цензуры, оказываются в том же положении, что и прежде. Короче говоря, участие в делах государства вредно и в общественном, и в личном плане. Более того, порочно участие в любых институтах, так или иначе связанных с государством или основанных на частной собственности. Л. Толстой доходит до призывов не отдавать детей в гимназии, не работать на фабриках и т. д. Он полагал, что с Руссо его расхождение только в том, что тот отрицал цивилизацию вообще, а он — только лжехристианскую. Но расхождение было гораздо глубже и по принципиальным вопросам: Руссо не отрицал необходимости государства и частной собственности. Толстой этого не заметил. Возможно, сказывалось отсутствие систематического образования.

Он совершил три попытки получить университетское образование: учился на отделении восточных языков и юридическом факультете Казанского университета и потом хотел сдавать экзамены за курс юридического факультета Петербургского университета. В советской литературе неудачи Толстого объяснялись очень просто: уровень преподавания не удовлетворял будущего гениального писателя. Но такое заявление может сделать любой студент-двоечник: преподаватели глупы, науки выдуманы и т. д. Уже будучи далеко не молодым человеком, Толстой с раздражением писал: «То, что в нашем мире считается единственной и самой важной наукой: естественные науки, политико-экономика, история (как она изучается), юриспруденция, социология и пр., совершенно такие же ненужные и большей частью ложные знания, какова в старину была “наука”, включающая в себе богословие, алхимию, аристотелевскую философию, астрологию».²⁰ А наук всего две: математика и нравственное учение. Все философские системы — «это плохо сложенные своды, замазанные известкой».²¹ Университетская наука нелепа. «Задачей науки должно быть познание того, что должно быть, а не того, что есть. Теперешняя же наука, напротив, ставит себе главной задачей отвлечь внимание людей от того, что должно быть, и привлечь его к тому, что есть и что поэтому никому знать не нужно».²² И еще: «Думал: в науке неправильно одно значение, которое придается. Они ученые (профессора), делают

¹⁸ Там же. С. 367.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Т. 22. С. 235–236.

²¹ Там же. С. 213.

²² Там же. Т. 21. С. 505.

некоторое определенное дело и нужное, они собирают, сличают, компилируют все однородное. Они, каждый из них, справочная контора, а их труды справочные книги... Как только они выходят из области компиляций, они всегда врут и путают добрых людей». ²³

Нельзя сказать, что Толстой вообще никогда не хотел учиться в университете и что три попытки он сделал под каким-то внешним давлением. Весной 1847 г. он записывает в дневнике, что в течение двух лет он должен «изучить весь курс юридических наук, нужных для окончательного экзамена в университете». ²⁴ А затем несколько раз отмечает, что он читает «Энциклопедию права» Неволина. Через много лет в «Письме студенту о праве» он вспоминает об этом: «Я ведь сам был юристом и помню, как на втором курсе меня заинтересовала теория права, и я не для экзамена только начал изучать ее, думая, что я найду в ней объяснение того, что мне казалось странным и неясным в устройстве жизни людей. Но помню, что чем более я вникал тогда в смысл теории права, то все более и более убеждался, что или есть что-то неладное в этой науке, или я не в силах понять ее; проще говоря, я понемногу убеждался, что кто-то из нас двоих должен быть очень глуп: или Неволин, автор энциклопедии права, которую я изучал, или я, лишенный способности понять всю мудрость этой науки. Мне было тогда 18 лет, и я не мог не признать того, что глуп я, и поэтому решил, что занятия юриспруденцией выше моих умственных способностей, и оставил эти занятия». Толстой несколько лукавит. В энциклопедии права он все же разобрался. В Казанском университете он сдавал пять экзаменов, два из которых смог сдать, причем энциклопедию права сдал на «четыре».

Многие великие писатели, поэты, художники и т. д. не имели университетского образования, что не сказалось на их таланте. Талант, как известно, от Бога. Не сказалось отсутствие систематического образования и на писательском даре Толстого. Но, конечно, сказалось на Толстом как философе-моралисте. Очень хорошо об этом написал В. В. Розанов: «Толстой учился в университете на физико-математическом факультете (Розанов ошибся. — И. К.), притом, по собственному воспоминанию, учился плохо и небрежно. Хотя потом он всю жизнь очень много читал и изучал, но это не могло заменить университетских лекций по истории. Дело в том, что никакая книга не содержит в себе интонаций живого голоса живого человека и не содержит “отступлений в сторону”, оговорок и замечаний — которыми профессор сопровождает чтение в аудитории. Наконец, ни в какую книгу нельзя уложить и ни в какой ученой форме нельзя выразить тех частных бесед, бесед мелькающих, обрывающихся, недоконченных, которые студент, заинтересованной наукой, может иметь с профессором у него на дому или идя по коридору из аудитории. Ведь часто афоризм скажет больше, чем рассуждение; насмешка, сарказм живого человека или его восхищение, выраженное в блеске глаз и вибрации голоса, — скажут больше, чем печатные строки с печатными знаками восклицания. Словом, книга всегда “без штрихов”; и в книге говорит ученый “без тона”; а “тон делает музыку”: Толстой знал историю вот именно “без музыки”. Т. е., в сущности, он совсем ее не знал, иначе как скелетно в одних фактах. Духа ее не знал, аромата ее не обонял. Только ученый, уже всю жизнь посвятивший на изучение эпохи перехода античного мира в новый, христианский,

²³ Там же. С. 374.

²⁴ Там же. С. 24.

мог бы в четыре года университетского курса дать почувствовать Толстому такие тайны античных чувств, такие тайны противоположных христианских чувств, мог бы передать такую непостижимость древней смерти и нового воскресения, какие поистине уловимы для голоса и уха и неуловимы для бумаги и чтения. Толстой был просто не образован в этой области».²⁵ Розанов совершенно прав, и не только применительно к Толстому и к истории, но и в том, что для полноценного образования необходимо живое общение между профессором и студентом, необходимо взаимное оппонирование. Это было верно в XIX в., верно и в XXI в.

Толстой, действительно, очень много читал, но, кажется, «вычитывал» то, что хотел. Так, он восторгался И. Кантом, но Кант связывал свободу непосредственно с правом, а, по Толстому, право не обеспечивает свободу, а уничтожает ее. В 1851 г. Толстой в дневниковой записи дает такое определение свободы: «Свобода состоит в отсутствие принуждения делать зло».²⁶ Немного похоже на одно из определений свободы, данное Руссо в «Записках одинокого мечтателя»: свобода — это возможность не делать того, чего не хочешь делать. Но все же у Руссо свобода проистекает из подчинения общей воле, выраженной в законе, а реализация того закона предполагает насилие, принуждение. Иными словами, здесь Толстой совершенно расходится с Руссо. Через несколько лет в 1889 г.: «После обеда читал газеты. Требование социалистов о вмешательстве государственной власти в часы работы с возвышенной платой, в работу женщин и детей и т. п., то есть требуются привилегии рабочему классу и вроде майоратов стеснения. И не думают о том, что власть не может помешать людям продавать себя. Нужно, чтобы люди поняли, что нельзя покупать и продавать людей. А для этого — нужна свобода от вмешательства правительства и, главное, свобода, даваемая воздержанием».²⁷ И так, свободные люди не покупают рабочую силу. В том же году: «...свобода воли есть сознание своей жизни. Свободен тот, кто сознает себя живущим. Сознать же себя живущим — значит сознавать закон своей жизни, значит стремиться к исполнению закона своей жизни».²⁸ Еще одно определение свободы: «Свобода есть освобождение от иллюзий, обмана личности».²⁹ Наконец, уже в 1907 г.: «Свобода в том, что человек может иметь радость сознательному подчинению закону своей жизни».³⁰

Взгляды по поводу равенства и неравенства и способа борьбы с неравенством Л. Толстой изложил в гипотетической истории о переселении богатой семьи, осознавшей грех богатой и праздной жизни, из города в деревню. Сделали они это потому, что признали всех братьями равными перед Отцом, но неравными во всех остальных смыслах. Семья «переселенцев» оказывается в безвыходном положении: если дать всем нуждающимся (а русский народ — нуждающийся народ), то средства, сколько бы их ни было, скоро закончатся; можно отдать последнее, но тогда как жить дальше; пустить ли к себе больных и вшивых и заболеть, или не пустить, но тогда поступиться принципом всеобщего братства? Толстой разбирает разные варианты помощи народу, и все они не годятся. Единственный правильный путь заключается

²⁵ Розанов В. В. Соч. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 367.

²⁶ Толстой Л. Н. Собр. соч. В 22 т. Т. 21. С. 53.

²⁷ Там же. С. 394.

²⁸ Там же. С. 469.

²⁹ Там же. Т. 22. С. 201.

³⁰ Там же. С. 244.

в следующем. «Если мы не можем жить здесь, среди этих людей, в деревне, должны будут сказать себе те люди, которых я представляю себе, — если мы поставлены в то ужасное положение, что мы неизбежно должны задохнуться, зашлеть и умереть медленной смертью или отказаться от единственной нравственной основы нашей жизни, то это происходит от того, что у одних скопление богатств, у других нищета; неравенство же это происходит от насилия, и потому, так как основа всего — это насилие, надо бороться против него».³¹ Бороться с насилием, конечно, не участвуя в насилии, а проповедью, своим примером, и как раз в этом случае Толстой приветствует жертвенность. «И потому борьба с насилием не исключает необходимости в нашем обществе человеку, желающему жить по-братски, отдать свою жизнь, зашлеть и умереть, но при этом борясь с насилием: борясь проповедью ненасилия, обличением насилия и, главное, примером ненасилия и жертвы». Как же правильно жить? Братство, равенство свобода — вот главные принципы такой жизни. «Все три составляющие — последствия свойств человека: братство — это любовь. Только, если мы будем любить друг друга, будет братство между людьми. Равенство — это смирение. Только если мы не будем превозноситься, а считать себя ниже всех, мы все будем равны. Свобода — это исполнение общего всем закона Бога. Только исполняя закон Бога, мы все, наверное, будем свободны».³²

Итак, Толстой считал возможным и нужным заменить право моралью. В России в таком духе рассуждали многие или, по крайней мере, противопоставляли право и мораль. В условиях неразвитого гражданского общества и неразвитого частного права право воспринимается как система запретов и наказаний, как зло. А со злом надо бороться. Л. Толстой избрал свой путь, но не смог дойти по нему до цели, русские революционеры избрали противоположный путь, но к искомой цели он так же не привел.

Статья поступила в редакцию 3 июня 2014 г.

³¹ Там же. Т. 21. С. 493.

³² Там же. Т. 22. С. 231–232.